

ПРОЕКТ

ЯЗЫКИ БЕЗ ГРАНИЦ

27 февраля в Маринском зале Герценовского университета состоялось торжественное открытие российско-норвежского проекта «Роль устного языкового перевода и сурдоперевода в социальной сфере в России и Норвегии».

Основными участниками проекта являются РГПУ им. А.И. Герцена, Метрополитан Университет Осло и Межрегиональный центр реабилитации лиц с проблемами слуха (г. Павловск). На встрече были приглашены педагоги и сотрудники Образовательного центра «Языки без границ», Норвежского университетского центра, Школы-интерната №31 Невского района Санкт-Петербурга, преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета.

Основную цель проекта, заключающуюся в повышении роли устного перевода и сурдоперевода в общественном секторе России и Норвегии, планируется реализовать в сфере университетского образования через создание учебного модуля и учебных материалов для подготовки студентов

в области перевода, а также через организацию академических обменов преподавателей и студентов обоих вузов.

На торжественном открытии, модератором которого выступила профессор, заведующая кафедрой дидактики Института педагогики Елена Писюнова, координатор проекта с российской стороны, с официальными приветствиями к участникам обратились проректор Метрополитан Университета Осло Нина Ваалер и проректор по инновационной деятельности и информационным технологиям Герценовского университета Михаил Пучков. «Герценовский университет уже много лет принимает участие в важных социальных проектах. Данный проект открывает большие возможности в сфере развития образования, научных исследований для обеих вузов. Мы готовы делиться нашими ресурсами для успешного достижения целей. Я желаю нам продуктивной работы», — отметил Михаил Юрьевич.

Особую значимость проекта для развития сотрудничества между странами в сфере образования отметил Генеральный консул Королевства Норвегия в Санкт-Петербурге Гр-нд Халворсен.

Директор Института дефектологического образования и реабилитации Виталий Кантор подчеркнул: «Л.С. Выготский говорил, что любое нарушение в развитии — это не столько биологическая, сколько социальная проблема. Интеграция людей с особенностями в общество — это процесс двустороннего движения и встречного сближения сообщества людей с ограниченными возможностями здоровья и большого общества. Обе стороны должны делать шаг навстречу друг к другу. Идея, которая лежит в основе данного проекта, предполагает освоение обычными людьми жестового языка. Это и есть шаг навстречу, который может и должно совершить большое интегрированное общество. Я уверен, что шаг будет сделан, а проект будет успешным».

На встрече также присутствовали участники проектной команды: преподаватели Института педагогики, Института иностранных языков, Института детства и Института дефектологического образования и реабилитации РГПУ им. А.И. Герцена и студенты этих институтов — потенциальные участники проекта.

Марианна Кудряшова

Дмитрий Николаевич Копелев — доктор исторических наук, доцент Герценовского университета, член Российского географического общества. О пиратах и студентах, преподавании, книгах и мечтах с искренней любовью к науке Дмитрий Николаевич рассказывает в беседе с корреспондентом газеты «Педагогические вести».

— Когда и как Вы приняли решение заниматься преподавательской деятельностью и наукой?

— Признаться, я уже напрочь забыл об этом счастливым мгновении! Что это был за странный импульс? Несомненно только, что с раннего детства я не мыслил себя без чтения книг по истории. Разумеется, до поры до времени войны ахейцев с троянцами, мушкетеры, «усачи-гренадеры», искатели сокровищ и трапперы ни к чему меня не обязывали. Дверь в науку приоткрылась, когда студентом исторического факультета ЛГУ я погрузился в чарующий мир эпохи Консульства и Империи — мир бесстрастного рационализма, изощренных политических интриг, жестоких заговоров и изощренных технологий правления. За всем этим стояла железная воля молодого генерала Бонапарта! Главный вопрос, мучивший тогдашнюю Францию — как выйти из Революции? Мне же было интересно понять, каким образом авторитарная модель бонапартистского режима сочеталась с правилами революционной игры, навязываемой олигархической элитой, инерционной, коррумпированной, впитавшей в себя идеологию революционного террора. Результатом стали грандиозные реформы Консульства, за какие-то четыре года заложившие основу взлета Наполеона I. Мое сердце было разбито бонапартизмом — я до сих пор собираю его осколки!

— Что повлияло на Ваше решение?

— По счастью, правила развитого социализма не допускали глубоких погружений в ностальгические грезы. Мое будущее было решено! Распределенный в школу, я быстро начал овладевать навыками преподавания. Мне решительно повезло с учениками: инициативные, творческие и полные энергии, они заставили меня хорошенько попотеть, чтобы «выжить» и освоить азы преподавательской профессии.

— Я знаю, Вами написано много работ о пиратах. Как Вам удалось найти свою нишу в науке?

— Новой вехой на моем пути, предопределившей будущую судьбу, стала работа в Российском государственном архиве военно-морского флота. В стенах этого архивохранилища произошла переоценка научных «ценностей» в сторону военно-морской истории с ее междисциплинарностью и вселенским охватом. Меня захватил процесс изучения истории не по книгам. Мне понравилось находить, читать и анализировать неизвестные тексты, которые до меня мало кто видел, находить неожиданные сюжеты, в которых не были еще проложены историографические магистрали. Передо мной предстали «живые» страницы истории: карты, навигация, корабельная архитектура, судовые ведомости, послужные списки флотских офицеров. Затем был Европейский университет в Санкт-Петербурге с его академической аналитичностью, герменевтическим сомнением и современными научными технологиями. На очередном жизненном повороте мне внезапно предложили написать детскую книгу о пиратах с картинками. Это сегодня в магазинах их лежит огромное количество, а в середине 90-х годов в России книги о пиратах можно было пересчитать по пальцам, на европейских языках литературы также фактически не было, Интернета не существовало — отличное пространство для маневра! Детская книга превратилась сначала в сводную историю морского разбоя, а затем уже обрела монографические контуры и все время стремится к расширению.

— Почему именно пираты?

— Здесь все очевидно! Толчок как раз и дало изучение океанских плаваний. Они подобны некоему движению, разрывающему привычное течение времени, искажающему принятые представления

ВРЕМЯ ИДЕТ, МЕЧТА ЖИВЕТ

о пространстве. Вступая на борт корабля, человек словно выходил в неизведанные новые миры, его охватывал первобытный страх перед стихией и всемогуществом природы. Каждый отправлявшийся в плавание мог обрести в них нечто свое: приключения, противоборство со стихией, духовное совершенство, выход агрессии, свободу, деньги. Прикоснуться к этому «миру на грани» оказалось чрезвычайно увлекательным занятием. И, что крайне важно, анализируя социальную природу морского мира, болезненно ощущаешь проблемы взаимоотношений государственной власти и той самой аморфной человеческой массы, которая, по мнению («привилегированного» общества, лишена должного понимания социальной реальности и способности к осмысленному действию, но способна в любой момент оцетиниться. Тут-то и нашлось место морским разбойникам! В литературе бытует мнение о неорганизованности и хаотичности пиратов, предававшихся якобы бессистемным грабежам. В реальной жизни, однако, все выглядело несколько иначе. Пиратство представляло собой иерархически организованное преступное сообщество, в котором существовали определенные правила социальной игры, действовал внутренний дисциплинарный кодекс, была налажена система кооперации и взаимодействия. По существу пираты были столь же рациональны, как и любые другие люди, предсказуемым образом реагирующие на предоставляемые им возможности и поставленные ограничения. Выбор преступной профессии оказывался на поверку не чем иным, как инвестиционным решением, принимаемым в условиях особого риска и полной неопределенности. Преступники стремились максимизировать свои выгоды при крайне ограниченных ресурсах, но вынуждены были действовать в условиях повышенного риска. Неслучайно, поэтому, в пиратстве крутилось немало людей, обладавших повышенной склонностью к риску. И без лишнего сантиментов! Боюсь, что милыа Джек Воробей на пиратском судне долго бы не продержался!

— Вами написано много книг. Насколько тяжело написать книгу? С чего нужно начинать? Как Вы выбрали идеи для своих произведений?

— Не зря же существует выражение «творческие муки!» А с чего нужно начинать? Определите сквозную идею, и писать тогда можно с любого места! И мне действительно кажется, что если отсутствует четкий замысел, то все остальное теряет смысл и попросту рассыпается. Что же касается

идей, то они меня выбирали сами, а я всего лишь был их транслятором.

— Для кого писать интереснее: для научного сообщества или для обычного читателя?

— Это две, казалось бы, совершенно разные вселенные, но и с теми, и с другими следует держать ухо востро. И, в первую очередь, заставлять себя работать над текстом, предельно внимательно относиться к манере изложения, стилю, шрифтовке фраз. Ведь равно и ученые, и те, кого вы назвали «обычные читатели», предъявляют одно основное требование. Они не только хотят, чтобы книгу связывала яркая сюжетная канва или чтобы в ней присутствовала тонкая интрига и яркая концептуальная основа. Она должна легко читаться, увлекать за собой, будить воображение, заставлять думать. Пустой набор информации и скупого языка вряд ли вызовут большой интерес.

— Почему стоит заниматься наукой? Для чего?

— Я могу говорить лишь о гуманитарных сферах. Гуманитарная наука всегда непостижима, на ней лежит печать неопределенности, расплывленности смысла. Любое исследование выглядит, словно смесь различных путей и преодолений. Иногда это напоминает пазл, который никак не складывается в логическую модель, иногда же приходится идти вперед, по прямому пути, и вдруг дорога начинает петлять, выворачиваете на какие-то едва заметные тропинки, на которые перед вами предстает совершенно иной расклад вещей... Иногда это озарение, иногда — случайный импульс, чаще же вы барахтаетесь в какой-то информационной жиже, пережевываете сотню раз написанное, не видите дальнейших перспектив. Все, что вы делаете, неминуемо рассыпается, вибрирует, трансформируется, колеблется, приобретает новые значения. Все начинается по новой! Этот невероятно увлекательный процесс просто завораживает!

— На Ваш взгляд, какие проблемы свойственны современной науке?

— Если имеются в виду проблемы глобального научного свойства, то здесь традиционная проблема — междисциплинарное взаимодействие. На уровне слов разговоров предостаточно, всегда модно говорить о междисциплинарности, но на уровне конкретных исследований прорывы намечаются с большим натягом. А выхода все равно нет, маленькие индивидуальные «лаборатории» детализируют лишь отдельные аспекты, уточняют нюансы — без

этого нельзя, но на панорамное видение фокус не переводится. Одновременно происходит определенное упрощение при анализе сложных процессов, растет политическая ангажированность, наводится глянец. Редко говорят о маленьких незаметных людях, скромных, простых, которым никогда не дают жить своей жизнью и только всячески используют победы, прорывы, переломы, героев, но все достается дорогой ценой, так как после победоносных войн остаются калеки, инвалиды, голод, эпидемии. Эти проблемы универсальны, они свойственны не только российской науке, но в отечественной традиции подобные тенденции приняты совершенно гипертрофированные формы. Даже прорыв в сторону изучения повседневности не переломил ситуацию, так как принял формы неких иллюстративных костюмных, продольственно-поваренных и транспортных экскурсов. Изначально же была заложена совершенно другая идея — повернуть историю от изучения государства и его структур к будничной жизни людей, к традиционной человеческой культуре, ту же кухню, трактир или карету анализировать с позиций анализа поведения простых людей. К сожалению, это делать сложнее, материалы о частной жизни менее доступны, с ними труднее работать, нежели с государственной документацией. А результатом оказывается вполне привычное, к сожалению, ориентирование на изучение власти и ее институтов, и, соответственно, дегуманизация.

— Есть ли вещи, в которые Вы верите, но не можете найти им научного обоснования?

— Я верю в профессиональную интуицию. Думаю, что каждому исследователю знакомо ощущение некоего предчувствия, озарения. Результатом может стать новое видение, взгляд на изучаемый объект. Мне, например, нередко сопутствует удача в поиске архивных материалов, я их иногда обнаруживаю, как мне кажется, интуитивно; однако утверждение мое абсолютно бездоказательно, тем более, что, по-видимому, в процессе поиска скрывается накопленный с годами опыт архивной работы и монотонного изучения документов.

— Как замотивировать студентов заниматься наукой?

— Мотивировать трудно! Ведь наука сродни романтической любви. Если она к вам пришла, то в мотивации нет смысла, а уж будет ли любовь взаимной — вопрос будущего. Другое дело, что о науки всегда было

и есть много лиц, формы научной деятельности также крайне многообразны. Среди ученых, разумеется, немало подобных «мудрецов», почитающих себя выше прочих смертных, но намного больше других: практиков-экспериментаторов, «чистых» эрудитов, ярких просветителей, талантливых организаторов-менеджеров. Каждый, если у него лежит душа к науке, найдет себе поприще. Позволю себе высказать лишь одно соображение, касающееся занятий конкретно историей: ни одна другая дисциплина не позволяет нам обернуться назад и осознать глубины пройденного. И это не ретроспективное знание — это счастливая возможность разглядеть что-то, не увиденное современниками и проливающее след на настоящее.

— Что посоветуете студентам, которые стоят на распутье: выбрать академическую карьеру или пойти по профессиональному пути?

— Каждый видит мир своими глазами, а не чужими. Потому — выбор только за ними, но главное, по-моему — не изменять выбранному пути. Ну, только если самую малость!

— Часто говорят, что преподавание сродни актерской игре. А на Ваш взгляд, студенческая аудитория похожа на театр?

— Скорее, на зрителей в театре, которые могут быть как активными, так и пассивными, а иногда, увы, отсутствующими.

— Что самое сложное в деятельности преподавателя?

— Это — самый простой вопрос! Конечно, научить! А вот как? Это и есть главный вопрос Симпатичных, умных, талантливых преподавателей мне видеть довелось, а вот тех из них, кто был способен действительно научить, единицы — они и есть настоящие бриллианты!

— В чем секрет интересной лекции?

— Подозреваю, что этот вопрос из серии «пиратских тайн» — у всех, кто их читает, есть на этот счет определенные представления, но подлинной «карты сокровищ» ни у кого нет! А раз никто об этом не ведает, каждый пусть и судит по-своему, стремясь тем или иным способом достигнуть абсолюта.

— Что Вас вдохновляет? Что заставляет продолжать идти по выбранному, научному, пути?

— Конечно, любовь к истории, любопытство, желание узнать новое и рассказать об этом.

— Расскажите о своих профессиональных планах.

— Написана и тихонько отлеживается монография о последних годах Петра Великого — драматическая история одержимости и поиска смысла жизни человеком, для которого море превратилось в страсть. Сюжетная линия раскручивается в Петербурге: здесь августейший российский Демидур сплетает сложную геополитическую паутину, нити которой уходят далеко в океан: к островам Вест-Индии, в заливы Мадагаскара, к Малабарскому побережью, в Гренландию и на Дальний Восток. Главные герои книги — мои любимые пиратские «короли», таинственные якобинские заговорщики, банкиры-авантюристы, моряки-исследователи и, разумеется, сильные мира сего, оказывающиеся вовлеченными в далеко идущие замыслы российского императора. В более отдаленной перспективе — обобщающее исследование, посвященное российским кругосветным плаваниям XIX в., его институциональным, геополитическим и просопографическим аспектам. Не забываю я, разумеется, и о пиратах — классических англо-американских, в духе Роберта Льюиса Стивенсона, или наших, родных, отечественных, промышленявших в XII веке на Балтике.

— Какую свою мечту Вы еще не осуществили?

— Вопрос на злобу дня. Не прошло и двух дней, как со студентами-географами мы обсуждали феномен так называемой «революции скоростей» XIX в., радикально изменившей представления о времени и всю систему мировой логистики. Зашел разговор и о детиче бельгийского банкира Жоржа Нагельмакера, легендарном «Восточном экспрессе», соединившем в 1883 Париж со Стамбулом и спустя полвека прославленным пером Агаты Кристи. Проехать на нем по заснеженной Европе мне захотелось еще подростком, когда, терпясь в догадках о том, кто же все-таки убил негодяя Кассетти, я буквально проглотил эту историю. Время идет, мечта живет.

Ольга ЖУРКИНА, корреспондент «ПВ»